

На улице пурга. Захожу в школу искусств. Одноэтажное кирпичное здание конца XIX века. Изящество старины. После уличной непогоды остро чувствуется особый дух, тонкий аромат прошлого. Белый роуль, рисунки детей на стенах, обильный свет больших сводчатых окон. Воздух цветочной поляны, где незримо присутствуют дети, на каждой ветке вызревают сомнения и радости, под каждым кустом нежатся блаженства.

Навстречу поднимается вахтерша.

– Ия Иосифовна просила немного подождать, скоро закончится урок. Как хорошо, что вы пришли! Мне такой сон сегодня приснился!..

Помню эту пожилую невысокую женщину с седой челкой на лбу. Как-то подошла ко мне на улице:

– Отец Михаил, и когда все это закончится?

Понятно, она имела в виду войну.

– Когда вы придете в храм!

– И всего-то? – в ее тоне было нечто вызывающее. – И кому молиться? Женщине, которая родила, как говорят, и после этого осталась девственницей?

– Не знаете, о чем говорите. Не будем об этом.

Теперь она стоит передо мной, в глазах немой страх и вопрос.

– Я никак не могу прийти в себя после сегодняшней ночи! У меня двоюродный брат воюет на стороне Украины. Сам из Харькова. Ничего не знаю о нем, связи нет. И вот мне снится сон, я вижу его лежащим

в снегу. Руки раскинуты, лицо запорошено, а глаза открытые неподвижные, в них талая прозрачная вода. Слышу голос: «Придет Пасха!» Что все это значит?

– Не знаю, – отвечаю. – Сны не разгадываю, а вам по-прежнему рекомендую прийти в церковь.

Хочет поцеловать мне руку, дотрагиваюсь до ее головы. Звенит звонок. Малыши и дети постарше выбегают в зал к белому роялю, следом выходит Ия Иосифовна в сиреновом платье, утонченная и статная. Улыбается и жестом приглашает в кабинет, который соседствует с классом. Садимся к столу.

– Чай, кофе?

– Благодарю! Времени немного, но готов выслушать вас. Вас что-то беспокоит? Иначе бы вы не стали звонить.

– Сейчас все объясню. Позвольте, я сначала прочитаю стихотворение. Она берет приготовленный листок.

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

– Вам знакомо это стихотворение?

– Да! Владимир Набоков. Ради этого вы меня пригласили?

– Не ради этого. У меня беда! Племянница моя, крестница Илария сбежала в Америку, в Штаты. Не могу понять, как такое могло случиться, где мы ее упустили! Она жила в Питере. Когда началась военная операция, вышла на демонстрацию протеста. Ее арестовали вместе с дружкой и держали несколько дней в полиции. Этого им только и надо было! Преследование властями по политическим мотивам. Через Мексику попали в Штаты. Теперь получают пособие, оформляют документы и чувствуют себя припеваючи. Стыд-то какой! Значит, мы не воспитали в ней ни любви к Родине, ни патриотизма, ни веры православной. Ни брат с женой, ни я! Читаю стихотворение Набокова и поражаюсь, как он рвался всей душой из эмиграции в Россию, пусть даже ценой смерти, но лишь бы вернуться, увидеть ее, а потом пусть «овраг в черемухе»!

Почему некоторые готовы умереть за Россию, а другие сломя голову несутся прочь, проклиная и забывая все, что связано с ней?

Смотрю на нее и говорю:

– Помню советский фильм «Рейс 222», где герой, рассуждая о любви к Родине, цитирует Салтыкова-Щедрина: «Был я в благонастроенных заграничных местах и не упомяну минуты, в которую сердце моё не рвалось бы в Россию. Хорошо там. А у нас, положим, не так хорошо, но представьте себе, всё-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но это логика любви...»

Лучше не скажешь! Это религиозное чувство. Потому что любовь – не то, что показывают в кино, рекламе, клипах. Настоящая любовь – это Голгофа, это боль, это жертва. Это следование за Христом. Хотим мы этого или нет, веруем или нет. В мире лишь три географические точки, которые имеют прилагательное «святой»: Святая Земля, Святая Гора, Святая Русь. Вам это ни о чем не говорит? Святость – это стремление к Источнику Света – Отцу Светов – Богу! Путь к Свету тесен, а потому через боль. Люди религиозные и люди творческие это понимают, чувствуют. Первые – глубиной веры, вторые – интуитивно. Без Света, без Бога человек – не человек, а лишь симулякр. Современный человек, не понимая того, соблазняется дьяволом, этим великим во зле умом, и сам, добровольно, стремится в объятия смерти.

На Востоке была изощренная казнь. Приговоренного привязывают к трупу. Руки к рукам, ноги к ногам, голову к голове. Человек через какое-то время или задыхается от трупных миазмов, или сходит с ума. Или то и другое одновременно.

Дело в том, что «цивилизованный мир», который мы условно называем Запад, сюда входят и Штаты, давно превратился в духовно разлагающийся труп, потому что отверг Бога и жизнь по Его заповедям. Этот смердящий мир отравил многих и в нашей стране. И богатых, и бедных, простецов и интеллигенцию, и стариков, и юнцов. В безумии бредящего сознания они спешат привязать себя к мертвецу западной цивилизации. Но есть сокровенная Святая Русь, ради которой Господь попустил случиться этой войне. Это люди веры, долга и духа. Вот на эту Святую Русь ополчился Запад, управляемый дьяволом. К Святой Руси мы не относим тех, кто считает себя элитой, входит в правящие блоки, обладает несметными деньгами и властью и при этом ненавидит Россию, ненавидит Бога.

Ненависть к Святой Руси существует давным-давно. Послушайте любопытную цитату: «Давно уже можно было предугадывать, что эта бешеная ненависть – словно ненависть пса к привязи, – ненависть, которая тридцать лет, с каждым годом всё сильнее и сильнее, разжигалась на Западе против России, сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал. То, что на официальном языке называлось Россией, – чего уже оно ни делало, чтоб отвратить роковую судьбу: и виляло, и торговалось, и прятало знамя, и отрицало даже самоё себя, – ничто не помогло. Пришёл-таки день, когда от неё потребовали ещё более яркого доказательства её умеренности, просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественного признания, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления».

Ия Иосифовна кивнула.

– Сильно сказано! Кто-то очень честный и смелый решился сказать правду о нашей верхушке! Согласна во всем!

– Это из письма Тютчева к Аксакову в апреле 1854 года, в разгар Крымской войны, представьте себе! Прошло 170 лет, а мало что изменилось. Обратите внимание – это императорская Россия, официально православная. Восточная казнь вершилась и тогда. В наше время все ускорилося, ужесточилось.

Преподобный Иустин Челийский говорит: «Человек европейской культуры решительно утверждает: я человек и только человек... Я тело и только тело; я земля и только земля. И в одном, и в другом случае европейский человек утверждает одно: я смертен и только смертен».

От себя добавлю, что современный человек болен тяжелейшим недугом. Он с бешеной энергией стремится стать материей, мертвецом. Как если бы Адам пытался вернуть Богу Дух, которым был оживлен в Эдеме. Как если бы Адам сошел с ума и кричал: «Забери то, что Ты в меня поместил против моей воли! Сделай меня снова глиной» Он не понимает, что невозможно отменить акт творения, акт рождения в Духе. Отказавшись от дара Божия, он не исчезнет, не аннигилируется, не станет глиной и прахом, а будет существом, которое во веки веков будет мучиться мукой невыносимой: не от огня даже, не от тьмы крошечной, не от тех ужасов, которыми полна преисподняя. Он будет страдать оттого, что отказался от высочайшего дара быть с Богом, что он предал Бога во второй раз. Эти муки начинаются уже здесь. Все приманки и фантомы этого мира – власть, деньги, комфорт и наслаждения, утоление неутолимых страстей лишь усиливают глубинную тоску по утраченному.

Ия Иосифовна задумчиво смотрела на меня.

– Илария не согласилась бы с вами. Она написала мне в последний раз: «Загибайтесь в вашей Рашке, слушайте брехню по телику и травитесь “пальмой”. Мы будем жить счастливо в свободной стране всем на зависть!»

Прозвенел звонок на урок. Я поднялся.

– Когда я жил в эмиграции в Германии, мне навсегда запомнился случай. Был месяц август. Сидел я с книгой на скамейке в игрушечном и милом саду дома для переселенцев. Подошла и села рядом старушка, тоже из переселенцев. Немка из Казахстана. Тогда, в начале 90-х, много немцев уезжало в Германию из Советского Союза. Слышу, она что-то говорит. Прислушался и был поражен. Вот что она сказала: «Кто хочет попасть в рай на земле, надо приехать в Германию. Если хочешь в Царство Небесное – надо вернуться в Россию». Я не был знаком с ней. Я не знаю ее имени. Не знаю, почему она это сказала именно в моем присутствии. Но эти слова служат для меня до сих пор ключом к пониманию происходящего в мире.

Ия Иосифовна провожает меня до двери.

– Благодарю вас! Все предельно ясно!

У выхода поднимается вахтерша. Складывает ладони под благословение.

– Можно, я приду в церковь с его портретом. Мне кажется, ему это поможет.

– Хорошо. Приходите, а портрет поставьте на подоконник, чтобы не мешал молиться.

Выхожу в метель. Поднимаю капюшон и иду к храму, силуэт которого плывет сквозь снежную кутерьму. Бьет колокол ко всенощной. На душе спокойно и тихо.

Пурга. Колокола. Россия. Великая вечная Пасха.